

Ворожихина К.В.

кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии Российской академии наук, сектор истории русской философии; Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1. E-mail: dr_milkov@mail.ru.

Вечное и преходящее Варвары Малахиевой-Мирович

Рецензия на книгу: *Малахиева-Мирович В.Г. Маятник жизни моей: 1930–1954. М.: АСТ, 2016. 893 с.*

Аннотация. Дневник поэта, публициста, мыслителя и переводчика Варвары Малахиевой-Мирович – любопытное свидетельство о целой эпохе отечественной истории и культуры. Как и многие ее сверстники-интеллигенты, в юности она была близка к народовольцам, позднее – к декадентам и кругу литераторов и философов религиозно-философского ренессанса; в разные периоды своей жизни она увлекалась теософией, толстовством, ересями и сектантством, философией Л. Шестова и Ф. Ницше. Записи Мирович – это дневник с наблюдениями-размышлениями о сегодняшнем и сиюминутном, мемуары, рецензии на книги и театральные постановки, покаянная исповедь и молитва, стихи и разговоры с давно умершими людьми. Значительная часть дневника посвящена воспоминанием о Шестове, оставившем заметный след в мировоззрении и жизни Мирович: наиболее важными для нее являются шестовские идеи «о творчестве из ничего», «о седьмом дне творения», о безнадежности как истоке надежды. В основе ее мировоззрения – манихейское противопоставление темного и светлого начал, отождествляемых с материей и духом. В отличие от посюсторонней шестовской философии смерть в контексте такого дуализма воспринимается как избавление, освобождение от материи и телесности, а жизнь как испытание и подготовка к посмертному существованию. Ее записи дают нам представление о контексте эпохи, в который были погружены писатели и мыслители из ее окружения: Л. Шестов, Д. Андреев, Л. Толстой, Г. Чулков, П. Флоренский, А. Ремизов, М. Гершензон и др.

Ключевые слова: Лев Шестов, богоискательство, Лев Толстой, «творчество из ничего», декадентство, народовольчество, теософия, советская Россия, «Многообразие религиозного опыта».

Дневник мыслителя и публициста, забытой поэтессы Серебряного века и детской писательницы В.Г. Малахиевой-Мирович¹ (1869–1954) – это свидетельства тонкого, чуткого и внимательного наблюдателя, жившего в период «конца народовольчества, декадентства, терроризма, начала марксизма, трех войн, революции и коммунистического строительства»². Через ее жизнь прошло множество лиц «с именами» (Л. Шестов, Д. Андреев, Л. Толстой, Г. Чулков, П. Флоренский, А. Ремизов, М. Пришвин, П. Романов, А. Тарасова, И. Ильинский и др.), что отчасти и подтолкнуло ее к мысли о писании мемуаров. При этом Мирович убеждена, что человек «без имени» бывает зачастую более интересен, чем «именитый», поскольку в нем «больше жизни». У литераторов и философов жизнь, как правило, «разбавлена мыслью»³. С другой стороны, постоянное записывание – следствие одиночества и стремления избавиться от него. Дневник Мирович содержит воспоминания о мыслителях, поэтах и писателях рубежа веков, рассказы о советской действительности и о жизни театральной Москвы; делится автор и своими предположениями относительно причин мировоззренческого кризиса Шестова, толкнувших философа на путь «беспочвенной» адогматической философии.

Записи Мирович – это дневник с наблюдениями-размышлениями о сегодняшнем и сиюминутном, мемуары, рецензии на книги и театральные постановки, покаянная исповедь и молитва, стихи и разговоры с давно умершими людьми. Она записывала свои воображаемые «некрополисные» беседы с Чеховым, Толстым, Гиппиус, Шестовым. Обрывки впечатлений и мыслей, личные заметки, внутренние диалоги, эссеистические наброски на самые разные темы (религия, любовь, смерть, брак, быт, старость) – все это Мирович пишет с оглядкой на «Опавшие листья» Розанова, стремясь достичь розановской искренности, требующей чистоты сердца, бесстрашия и умения «спускаться в глубины бессознательного»⁴.

¹ Литературный псевдоним В.Г. Малахиевой-Мирович является соединением вымышленной и настоящей фамилий. Фамилия Малахиев была взята ее отцом по имени прадеда – схимника Малахия, который, приняв монашество в 70 лет, стал почитаемым в народе целителем. Вторая половина ее псевдонима – Мирович – появилась значительно позже и, вероятно, связана с именем молодого неудачливого писателя – протагониста ранних рассказов Льва Шестова.

² *Малахиева-Мирович В.Г.* Маятник жизни моей: 1930–1954. М., 2016. С. 794.

³ *Малахиева-Мирович В.Г.* Маятник жизни моей. С. 26.

⁴ Маятник жизни моей. С. 26.

Дневник, который Минович вела более двадцати лет (1930–1954), состоит из 180 тетрадей; опубликованный том представляет собой подборку наиболее интересных фрагментов. Автором проекта Натальей Громовой и ее коллегами была проведена колоссальная работа по расшифровке и подготовке текста к публикации⁵ – работа, с которой они справились превосходно (чего, к сожалению, не скажешь о комментариях, научная сторона которых оставляет желать лучшего).

Минович жила в эпоху революций, социалистических пятилеток, «Беломорского канала, Днепростоя, завоевания Арктики, первого в мире метро»⁶, но упоминания обо всем этом не так часто встречаются в ее записях. «Другая культура. Другое направление интересов», – объясняет причину Минович. Социальное, экономическое, политическое принадлежит сфере внешнего и преходящего, которая – лишь оболочка индивидуально-личностного («рассветы... закаты, бабочки, любовь, ревность, боль, тоска земного бытия»⁷), связанного с вечным.

В одной из личных бесед Шестов поделился с Минович идеей, запавшей ей глубоко в душу. Это была мысль о людях, которые «не умеют (не хотят? не могут?), вернее, которым не суждено жить целями, задачами, интересами, какими живут вокруг те, кто прочно с сознанием прав и обязанностей в этой области населяют землю, делают Историю человечества. Эти отщепенцы, о которых он (Шестов. – К.В.) говорил, “прикасаются к общей жизни и к истории своей эпохи лишь в одной точке, откуда с первых моментов сознания душа их движется по касательной линии”»⁸. Шестов и Минович ощущали себя подобными «пасынками своего времени», «несвоевременными» людьми.

В целом, Минович относилась сочувственно к новой социальной действительности. Вспоминая свое народовольческое прошлое, она пишет: «Красное знамя, поскольку это знамя свободы и жертвенной крови, в годы молодости было моим знаменем. Многие на плакатах – кроме безбожия – я приемлю»⁹; и еще: «Если бы какой-нибудь прорицатель нагадал нам в нашей юности, что мы доживем до такой конституции, что будем жить в правовом социалистическом государстве,

⁵ Отдельные выдержки из дневника Минович ранее публиковались Громовой в журнале «Новый мир» (2011. № 6. С. 130–149).

⁶ *Малахиева-Минович В.Г.* Маятник жизни моей. С. 229.

⁷ Маятник жизни моей. С. 229.

⁸ Маятник жизни моей. С. 629.

⁹ Маятник жизни моей. С. 148.

какой бы пламенной радостью забилося сердце. Сейчас умом понимаешь, какой это важный момент в истории нашей страны и даже в истории всего человечества»¹⁰. Но при этом глубокая грусть («даже до слез») не покидает ее: «так силен эгоизм, так явен уклон к мещанству, так слабо чувство личности и гражданского долга в среднем русском обывателе..., что невольно боишься представления о том, в какие “перегибы” и “недогибы”, в какое “головотяпство” и “вредительство” будут вовлечены эти статьи [новой конституции]»¹¹. Индивидуалистку Мирович отталкивает милитаристский упор на «массы», ей претит бездушный и искусственный коллективизм, «прессующий» и «бетонирующий» личность «для целей строительства»¹².

Напрашивается сравнение дневника Мирович с «Воспоминаниями» Е.К. Герцык, написанными так же в 1930-е гг. в советской России. Как и Мирович, Герцык была близка к литераторам и мыслителям Серебряного века и в определенный момент претендовала на роль интеллектуальной подруги Шестова. Читая ее «Воспоминания», живо представляешь героев повествования – М. Волошина, Н. Бердяева, Л. Шестова, Вяч. Иванова. Совсем другое дело – дневник Мирович. Личность автора здесь заслоняет все и вся (отчасти, конечно, это обусловлено жанром дневниковых записей). Люди и события, о которых рассказывает Мирович, служат ей только фоном, на котором она рисует картины из собственной жизни, наполненной творчеством, страхами и надеждами, отчаянием и верой, духовными поисками и душевными потрясениями.

Герцык пишет о Мирович: «Нередко, приходя к нам вечером, он (Шестов. – К.В.) приводил с собой шестовцев, как мы с сестрою их прозвали. Молчаливый народ, неспаянный между собой, а с ним, с Шестовым, каждого порознь связывали какие-то вовсе не литературные нити»¹³; «Хорошенькая и полногрудая украинка Мирович, печатавшая в журналах декадентские пустячки. Вся – ходячий трагизм. Заметив заколотую на мне скромненькую брошку-якорь, значительно произнесла: “Вы не должны носить якорь – Вам к лицу безнадежность”... Нет, Льву Исааковичу вкус не позволил бы призывать приятельницу к безнадежности! Да и не вкус один»¹⁴. Однако шестовская

¹⁰ Малахиева-Мирович В.Г. Маятник жизни моей. С. 261.

¹¹ Маятник жизни моей. С. 261.

¹² Маятник жизни моей. С. 148.

¹³ Герцык Е.К. Лики и образы. М., 2007. С. 141.

¹⁴ Герцык Е.К. Лики и образы. С. 142.

мысль о безнадежности как величайшей надежде была для Мирович одной из «путеводных» идей.

Воспоминаниям о Шестове посвящена значительная часть страниц дневника. И действительно, с Шестовым Мирович связывали не только литературные интересы – между ними существовала глубокая душевная связь, которую Мирович называет «сопутничеством»: «Сопутничество, для которого есть слово “сотаинность”, – явление глубинного, мистического порядка. В нем есть нечто предназначенное, есть обреченность его принять. Оно сопровождается иногда потрясением всего духовного организма, как при посвящении. Оно не похоже ни на любовь, ни на дружбу, хотя в нем есть некоторые элементы того и другого чувства. В нем главное – ощущение сверхличного значения (на моем языке “звездного” значения) такой встречи»¹⁵. Говоря более прозаично, сопутничество – это «общность идейных и религиозных путей, связанная с чувством дружественной близости»¹⁶. Она называет это чувство «дружбой, большей, чем любовь».

Говоря о Шестове, Мирович подчеркивает его несравненную искренность и правдивость: «поистине “истина”, какой он искал всю жизнь, была ему дороже самой жизни. И в том были его крылья. И еще в неподкупной правдивости мысли, в бесстрашии перед самыми жестокими выводами и в упорном “творчестве из ничего”... А сейчас от всего долгого, мучительного и духовно важного общего прошлого – одна сказанная им фраза: “Если мы дети Бога, значит можно ничего не бояться и ни о чем не жалеть”»¹⁷. Эта мысль Шестова рефреном повторяется на страницах дневника; в самые тяжелые моменты жизни она служит поддержкой Мирович. Путь Шестова – «творчество из ничего», – по мнению Мирович, «роковой и страшный, но единственный реальный путь»¹⁸ из хаоса переломной и «костоломной» эпохи декадентов, Ницше, «переоценки ценностей» и «вечного возвращения», «бессмыслицы бытия и гордыни кирилловского человекобога»¹⁹, поскольку «никакая философия, никакая донине установленная догма для видевших крушение “тысячелетних ценностей” не может быть спасительной до конца»²⁰. «Мы, – пишет Мирович о себе

¹⁵ Малахиева-Мирович В.Г. Маятник жизни моей. С. 520.

¹⁶ Маятник жизни моей. С. 520.

¹⁷ Маятник жизни моей. С. 377.

¹⁸ Маятник жизни моей. С. 215.

¹⁹ Маятник жизни моей. С. 215.

²⁰ Маятник жизни моей. С. 215.

и своих сверстниках-интеллигентах, – были не только раздвоены и обескрылены, как Ставрогин “Бесов”, мы были расстроены, расчертверены, раздесятерены. Нам надо было соощутить в себе множество различных ликов и не сойти с ума. Из них надо было создать себе свое новое “я”²¹. «Спасаясь от хаоса и в жажде самосозидания»²² каждый находил свой выход: неохристианство (Гиппиус, Мережковский, Эрн, Свенцицкий); теософия и антропософия (Белый); сектанство (Добролюбов). Выбор Шестова – это путь личного творчества и «акта свободной сыновности» Отцу: «Где есть этот акт, – пишет Мирович, – хотя бы в его предначертании и готовности на него – зарождается новая тварь, начинается новая жизнь»²³.

Идея Шестова о «седьмом дне творения» – из «самых исконных» и «самых действенных» для Мирович. Вот как сформулировал ее в беседе с писательницей поэт и переводчик А.В. Коваленский: «Если бы нам разрешено было хоть на один день принять участие в миротворении, поверьте, мы отказались бы от всякого искусства»²⁴. Однако в итоге эта мысль привела Мирович к пассивности, к нереализованности в художественном творчестве.

Помимо дневниковых записей, Мирович является автором более чем четырех тысяч стихотворений²⁵. Однако, по мнению поэтессы, эта «груда лирики сомнительной художественной ценности»²⁶ является результатом ее «литературного зуда». О своих стихах Мирович пишет: «Домашнее рукоделие. Нечто вроде попугайной кофты, которую вышивала лишь для того, чтобы не сидеть бездвижно, как паралитик, чтобы занять часы»²⁷.

Мирович свойственно поэтическое отношение к миру, из-за чего у нее нередко возникали сложности в общении с более прагматично настроенными людьми из ее окружения, от которых она находилась в зависимости (семья актрисы А. Тарасовой). По мнению Мирович, именно поэзия дает нам ключ к пониманию мира, и она, «просеивая»

²¹ Малахиева-Мирович В.Г. Маятник жизни моей. С. 215.

²² Маятник жизни моей. С. 215.

²³ Маятник жизни моей. С. 215.

²⁴ Маятник жизни моей. С. 169.

²⁵ В 2013 г. Т.Ф. Нешумовой был подготовлен том: Малахиева-Мирович В.Г. Хризалида. Стихотворения. М.: Водолей, 2013. При жизни поэтессы был издан лишь один сборник ее стихотворений «Монастырское» (М.: Костры, 1923).

²⁶ Маятник жизни моей. С. 221.

²⁷ Маятник жизни моей. С. 320.

материю, является средством его преобразования. Мирович испытывает отвращение к материи, к вещам – к их преходящести и косности, поскольку они заставляют человека грязнуть «в непролазной глине бытия»²⁸. Поэтесса ощущала себя странницей, не имеющей собственного угла, скитающейся по домам своих друзей и знакомых, Агасфером, которому отказано «в приюте и в смерти». Мирович отличала «беспочвенность», страх перед «оформлением и закреплением»²⁹ («не прикрепляться к вещному миру, не пускать в нем корней»³⁰) и жажда «как можно скорее покончить с “воплощенным состоянием”»³¹. Семья для ее душевного склада была бы остановкой, срывом с начертанного пути. Она вспоминает свой разговор с Л. Толстым в Ясной Поляне³², когда на его вопрос о детях и муже, она ответила, что одинока. «На глазах у него блеснули слезы, и он взволнованным голосом произнес: “Одиночество – великое благо”. И тут же прибавил: “Если его вынести”»³³.

«Искусству» различения вечного и преходящего учит религия и религиозная философия. О себе Мирович говорит, что она верующая вне церковности: «Верую в Бога, в бессмертие души, в высший смысл жизни, обряды же для меня не имеют такого значения, как у православных»³⁴, при этом темы преобразования и воскресения остаются центральными в ее творчестве. Для Мирович правда религии состоит не в догматах и культовой стороне, а в личном «богоощущении», «во внутреннем... касании к горнему миру»³⁵.

Мирович была «мистически одаренной» натурой. О своих мистических опытах она также упоминает в записях. Нередко она чувствовала «присутствие» тех, кто, перешагнув порог смерти, стал «живее живых». Такие переживания Мирович испытывала на протяжении всей своей жизни: в детстве она, подобно Вл. Соловьеву, созерцала «лазурно-радужное видение Невыразимой Красоты»³⁶; по меньшей

²⁸ Малахеева-Мирович В.Г. Маятник жизни моей. С. 646.

²⁹ Маятник жизни моей. С. 821.

³⁰ Маятник жизни моей. С. 647.

³¹ Маятник жизни моей. С. 821.

³² Как сотрудница журнала «Русская мысль» Мирович в 1910 г. встречалась со Львом Толстым в Ясной Поляне и взяла у писателя одно из его последних интервью.

³³ Маятник жизни моей. С. 704.

³⁴ Маятник жизни моей. С. 268.

³⁵ Маятник жизни моей. С. 513.

³⁶ Маятник жизни моей. С. 676.

мере дважды она была свидетелем «световых явлений» (так называемых «фотизмов», при которых «нездешнему свету» удается проблеснуть сквозь плотность материи). Подтверждение реальности своих ощущений она находила у Уильяма Джемса, книгу которого «Многообразие религиозного опыта» перевела в 1910 г. в соавторстве с М.В. Шиком.³⁷

Каждую из 180 тетрадей Мирович начинала с мыслью о том, что она последняя, и когда тетрадь заканчивалась, у автора дневника возникало «ощущение затянувшегося эпилога»³⁸, и такая «отсрочка – сразу и наказание, и милосердие, выжидающее, чтобы человек лучше собрался в “великую дорогу”...»³⁹ В старости Мирович все больше угнетало чувство стерильности, бесплодности прожитой жизни из-за нереализованности «зарытых в землю» талантов. Всю жизнь она была мечтателем, созерцателем, которому достаточно «видеть, слышать, понимать». Она бесстрастно и с некоторой иронией наблюдала за процессом собственного старения, пытаясь осмыслить его. По ее мнению, на склоне лет (как и в детстве) острее чувствуется тайна жизни и ее «религиозное значение». Дети и старики ближе к загадочным вратам человеческого существования и в них отчетливее видны ростки «иноного бытия».

Мирович прошла через голод и войну и, сопереживая страданиям ближних и дальних, была убеждена, что агония жизни страшнее смерти. Узнавая о смерти знакомых, она порой испытывала «чувство, похожее на товарищескую радость: перешла в следующий класс... выдержала экзамен»⁴⁰, душа освободилась от «оков праха» и стала «живее живых». И для себя она желала того же: «Хочется “домой”. И домой не в скобках, а в Отчий дом»⁴¹, ведь смерти нет, есть лишь «переход в иные условия духовного роста»⁴².

³⁷ Эта работа была вдохновлена Шестовым, который уделял значительное внимание Джемсу (в частности, в 1905 г. в статье «Разрушающий и созидующий мир»). Изначально перевод был заказан Е.К. Герцык, но она, испугавшись объема работы и сжатых сроков, поставленных редакцией «Русской мысли», отказалась (см. об этом: Сестры Герцык. Письма. СПб., 2002. С. 573). Тогда сотрудник журнала и друг Шестова С. Лурье обратился к Мирович.

³⁸ Малахиева-Мирович В.Г. Маятник жизни моей. С. 221.

³⁹ Маятник жизни моей. С. 221.

⁴⁰ Маятник жизни моей. С. 128.

⁴¹ Маятник жизни моей. С. 311.

⁴² Маятник жизни моей. С. 155.

В своем дневнике Мирович подводит итог «долгой, беспутной, безумной жизни»⁴³. Она убеждена в необходимости страданий; пусть страдание жестоко, но оно – «путь и врата новой ступени восхождения»⁴⁴. Человек косен и слаб, но в сфере нравственной и духовной возможности его совершенствования безграничны, если сердце человека открыто для «приятия помощи горних сил (благодати)»⁴⁵. Свою долгую жизнь поэтесса воспринимала как испытание и как возмездие за «дурно прожитую молодость и зрелые годы»⁴⁶. По признанию Мирович, только в глубокой старости она постигла, что нет иного пути, кроме любви – живой и действенной любви к Богу и к людям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Малахиева-Мирович В.Г.* Маятник жизни моей: 1930–1954. М.: АСТ, 2016.
Малахиева-Мирович В.Г. Монастырское. М.: Костры, 1923.
Малахиева-Мирович В.Г. Хризалида. Стихотворения. М.: Водолей, 2013.
Герцык Е.К. Лики и образы. М.: Молодая гвардия, 2007.
 Сестры Герцык. Письма / Сост. Т.А. Жуковская. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, СПб.: Инапресс, 2002.

Vorozhikhina Ksenia Vladimirovna

PhD in Philosophy, Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia. E-mail: x.vorozhikhina@gmail.com.

Varvara Malakhieva-Mirovich's eternal and ephemera

Summary: Diary of a poet, essayist, philosopher and translator Varvara Malakhieva-Mirovich is an interesting evidence of an entire epoch of Russian history and culture. Like many of her coevals-intellectuals she was close to the Narodnaya Volya in her youth and later she chummed up with the decadents and writers and philosophers of Russian religious-philosophical renaissance. In different periods of her life she was fond of theosophy, Tolstoy's teaching, heresies and sectarianism, Shestov's philosophy and nietzscheism. Mirovich's notes is a diary with observations, reflections on the present and momentary, memoirs, reviews of books and plays, penitential confession and prayer, poetry and conversations with long-dead people.

⁴³ *Малахиева-Мирович В.Г.* Маятник жизни моей. С. 154.

⁴⁴ Маятник жизни моей. С. 154.

⁴⁵ Маятник жизни моей. С. 154.

⁴⁶ Маятник жизни моей. С. 861.

A significant part of the diary is dedicated to the memory of Shestov who left an imprint on the Mirovich's world view and life: most important of Shestov's ideas to her are "the creation out of nothing", "the seventh day of creation" and the hopelessness as a wellspring of hope. At the core of Mirovich's worldview lies Manichean opposition between light and dark forces, which she identifies with spirit and matter. In contrast to this-worldly Shestov's philosophy death in the context of such dualism is regarded as redemption and liberation from matter and embodiment, and life is as preparation for the afterlife. Her notes give us an idea of the context of the era in which were immersed writers and thinkers from her environment: L. Shestov, D. Andreev, L. Tolstoy, G. Chulkov, P. Florensky, A. Remizov, M. Gershenson and others.

Keywords: Lev Shestov, God-seeking, Lev Tolstoy, "creation out of nothing", decadence, Narodnaya Volya, Theosophy, Soviet Russia, "The Varieties of Religious Experience".